

УДК 1:304.9

УТОПИЯ, УТОПИЗМ, УТОПИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ – ОСНОВНЫЕ СМЫСЛЫ

Ю.Д. Смирнова

Аннотация

Статья посвящена анализу понятий утопии, утопизма, утопического сознания, широко используемых в научной литературе, но не имеющих однозначных общепринятых определений. Предпринята попытка определить значения данных понятий, рассматривается их происхождение и развитие, анализируется характер взаимоотношений. Принципом, позволяющим разграничить утопию, утопизм и утопическое сознание, является практическая реализация идей, изложенных в утопиях. Этот принцип дает возможность не только обнаружить пределы понятий, но и проследить исторические изменения содержания каждого из них.

Ключевые слова: утопия, утопическое сознание, утопизм, определение, превращенная форма.

Во все времена люди мечтали, во все времена были недовольны собственной жизнью, всегда придумывали себе идеал. Именно это желание жить лучше, быть лучше помогало человеку развиваться, двигало прогресс. Это желание облакалось в разные формы, надевало на себя разные одежды. Одним из костюмов стала утопия. Лучшее место, которого нет, счастливая жизнь предков или далеких стран и народов, идеальное общество и идеальный государь – утопия и сама любит надевать маски.

Первое знакомство человека с утопией происходит часто незаметно для него самого, в повседневной жизни. «Это утопия» – небрежно бросает кто-то из нашего окружения, и с этого момента утопия входит в нашу жизнь. Мы спрашиваем: «а что такое утопия?», нам отвечают: «что-то фантастическое и несбыточное», и такое определение утопии прочно закрепляется в нашем сознании. По прошествии времени попадаетея книга, скажем, «Классики утопической мысли», прочитав которую, мы понимаем, что когда-то услышанное нами совсем не совпадает с определением утопии, данным в книге. Мы ставим перед собой цель – разобраться, перечитываем книгу еще раз, но теперь уже медленно, «с карандашом». И в этот самый момент перед нами распахиваются двери в мир, имя которому «утопия». И мы ступаем на длинную дорогу, больше напоминающую лабиринт со множеством тупиков. Разобраться в понятиях, которые можно встретить на этой дороге, – цель настоящей статьи.

Утопия есть, несомненно, плод сознания общественного или индивидуального. По нашему мнению, продуктивно *о-предел-ить* утопию через то, чем она не является. В обыденном сознании за утопией прочно закрепился ярлык чего-то несбыточного, неосуществимого. Рассуждая об утопии, человек не может не дать ей эмоциональной оценки, ибо его суждения всегда оценочны. А если «поместить утопию под микроскоп» и изучать, отбросив все эмоции и чувства, холодным разумом, то мы можем обнаружить множество фактов, нюансов, которые заставят нас усомниться в однозначности понятия «утопия». Важно помнить, что утопия есть не просто явление сознания, но неотъемлемая часть культуры, цивилизации. Она изначально родилась как «триединство литературного жанра, социального проекта и формы сознания» [1, с. 299]. А. Морсон назвал утопию пограничным искусством, не оттого ли так часто мы встречаем словосочетание «утопия и наука», «утопия и религия», «утопия и миф», не является ли утопия в таком случае исходным пунктом движения? Все ее критикуют, но никто не может обойтись без нее, все пытаются «изгнать» ее из сознания человека, она же только меняет внешний облик и снова появляется, как чертик из табакерки. Зажигает маячки проблемных мест, заставляет думать, вынуждает действовать. Одна утопия сменяет другую, а истории утопии нет, каждая рушит все существующее и строит заново свой порядок. Утопия – незавершенный проект, она как человек – изучать нужно все как одну, потому что нет представителя, «чистой формы».

Вслед за А.Ф. Лосевым мы можем назвать утопию «понятием общепонятным»: оно свободно переводится на разные языки мира, сохраняя при этом свой смысл. Однако вместе с тем утопия предстает перед нами одним из «самых сбивчивых, туманных и противоречивых понятий» [2, с. 3–4]. Так, в статье Д.Е. Мартынова читаем: «*Утопия* – “царство человеческой надежды” (термин Э. Блоха). Проявления *утопизма* чрезвычайно многообразны, однако историческая и социологическая науки предлагают оппозицию идеологии и утопии, основанную на функциональной разнице. Классическое определение *утопизма* предложил в 1929 К. Манхейм. В его понимании *утопическим* (курсив наш. – Ю.С.) является такой способ мышления, который имеет тенденцией полное или частичное разрушение социального порядка, существующего на данный момент» [3]. Смешение понятий «утопия», «утопизм», «утопическое» встречается очень часто, в результате чего размывается каждое из них, нивелируется граница, их разделяющая. Чтение текстов усложняется, понимание содержания уменьшается; читателю неясно, зачем для одного и того же понятия использовать разные слова, а если они все же используются, то какое значение автор вкладывает в них в каждом конкретном случае. Выход из сложившейся ситуации может быть только один – перестать умножать сущности без нужды, четко дифференцировать понятия «утопия», «утопизм» и «утопическое» и использовать их в строго обозначенных смысловых границах.

Несмотря на то что рассматриваемые понятия, как мы уже отметили, часто не различаются, рядом исследователей все же предприняты попытки по их разграничению. Так, утопия определяется В.П. Шестаковым как родовое понятие, включающее в себя утопизм и утопическое [4], Ч.С. Кирвель понимает под утопией конкретное произведение [5], Э.Я. Баталов считает утопию воплощением

социального идеала с большей или меньшей полнотой. Утопизм же есть «нечто абстрактное, умозрительное, нереальное» [4, с. 151], определенное проявление утопии, один из способов ее бытийствования, который проявляется главным образом в преобразующей деятельности человека (например, план революционных действий). Утопизм – программа действий, план по преобразованию действительности. Утопизм жаждет быть реализованным, он «обременен» этой жаждой; он призывает, убеждает, требует, ведет за собой. Утопизм «кричит во весь голос», поэтому его знают все, утопия – не то. Утопия «тихо, но чтобы все слышали», sotto voce заявляет о своем несогласии, критикует сложившееся положение вещей. Кто обладает тонким слухом, тот услышит. И здесь встает вопрос о том, как и когда появляется утопизм.

Интересную трактовку перехода утопии в утопизм дает Е.Л. Черткова [6, с. 48]. Коренной момент этого превращения она видит в соединении «мира идей» и «мира вещей», которое впервые встречается в произведении Томаса Мора. Е.Л. Черткова анализирует утопические проекты философов и приходит к выводу, что Платон свой идеал государства помещал в мир идей. Противоположностью этого идеала становятся, соответственно, государства мира вещей, которые стремятся воплотить Идею в жизнь. Томас Мор свое идеальное государство противопоставляет реально существующим, что приводит к «приземлению», «обмирщению» идеала. Метафизический дуализм замещается дуализмом аксиологическим. Платоновские государства всегда будут стремиться к своему идеалу, но никогда не достигнут его, они всегда будут лишь копиями, а идеал Мора уже осуществлен в отдельно взятой стране Утопии, а это значит, что существует поступенчатый план действий по достижению идеала. Этот план и есть утопизм. Таким образом, утопия навсегда покидает сферу умозрительного, метафизического и становится реальной социальной силой. Наиболее ярко это проявлялось в эпоху Просвещения, когда утопические идеи легли в основу предлагаемых философами преобразований общества. Утопизм исторически появляется в эпоху Возрождения, когда человек начинает осознавать свою значимость, силу, когда он чувствует себя богом на земле. А если он бог, значит может творить мир как бог – из ничего. И в утопических произведениях возрожденцев впервые описываются примеры созданного человеком мира, примеры человеческого могущества и силы.

Утопия появляется на горизонте в ситуации, когда общество приближается к кризису, и рисует образ идеального мира, вообразая общество после кризиса. Она дает прогноз будущего, предлагает один из вариантов возможного движения и развития, как писал П. Рикер, формирует альтернативные пути жизни. Утопия «наблюдает» крах веры, идеалов в настоящем и продуцирует новую веру и новые идеалы. Утопия рациональна, теоретична, эвристична, умопостигаема, она направляет свой взгляд в прошлое или будущее, настоящее – объект критики, не более, она никогда не стремится быть реализованной.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что граница между утопией и утопизмом лежит внутри самих утопических произведений, и утопизм всегда может занять главное место, выйти на авансцену. Он не существует сам по себе, он воспринимает себя как образ утопии и способен занять ее место в сознании людей. Как же его распознать? Здесь появляется понятие идеала. Идеал утопии

создается «по произволу воображения» [7], он рождается в голове автора и соответствует его интересам, желаниям, потребностям. Он никак не вытекает из исторического развития общества. Это и будет идеал утопии, идеал государственного устройства (как у Платона или Ямбула) или идеал человека (как у Ксенофонта). Утопист полагает себя вне истории, мыслит себя демиургом мира, созданная им реальность также вне истории. Утопист не приемлет последовательности, перехода, существующий порядок изменяется в одну минуту, или – или, третьего не дано. Идеал служит основанием для критики, выражения несогласия с наличным порядком вещей и установления своего порядка. Критика, предлагаемая нам утопией, вскрывает проблемные места общества, делает явными мельчайшие детали несовершенства, направляет взгляды в нужную точку, заставляет думать. Однако если утопическая критика доводится до предела, максимума, ни одна положительная оценка не принимается, только радикальные преобразования. Идеал предстает как догма, столп веры и, по замечанию Е.Л. Чертковой, критика превращается в псевдокритику. Она же говорит, что идеал может быть только абсолютной целью – принципиально недостижимым «порядком вещей», но у утопии «идеал... из ориентира превращается в цель, конечный пункт прибытия» [1, с. 309]. Идеал превращается в столп веры, так как мы исходим из него, а не приходим к нему. Для его достижения активизируются все силы, вера в него помогает пережить трудности настоящего. С точки зрения утопизма идеал допускает, требует любых действий для своего достижения, насилия, даже гибели человека.

Утопия дает нам идеал общества и предлагает собственный путь его достижения, но она никогда не обещает нам, что путь будет быстрым, а идеал – легко достижимым. Утопизм же закрепляет в сознании людей мысль, что путь к идеалу является быстрым и простым, при этом идеал будет воплощен во всей его полноте. Утопизм не знает меры, золотой середины, он всегда избыточен. Утопизм не чувствует, что перешел грань между фантазией (умозрительностью, идеей) и реальностью, движется все дальше и дальше, превращаясь в итоге в фарс. Утопизм убежден, что eutopia существует, ее просто не может не существовать, он никогда не мыслится как минимум, всегда – как максимум. Утопия – двуликий Янус: одной стороной она критика и, как следствие, важная составляющая социального развития, другой стороной – разрушительная сила, вызывающая значительные социальные катаклизмы.

Ранее нами было определено, что утопия есть плод сознания и воплощение «утопического сознания». Утопические нотки появляются в общественном сознании только в период серьезных социальных перемен. Когда в жизни общества царят порядок и гармония, утопия спит глубоким сном. Она просыпается в тот момент, когда хрупкое здание социальной гармонии дает первую трещину. Люди, которые способны почувствовать ее пробуждение, обладают поистине музыкальным слухом и высоким порогом чувствительности. «Утопия – зеркало, а зеркало... отражает только те объекты, которые находятся перед ним» [8, с. 175]. Стимулами возникновения утопического сознания выступают недопустимость «существующего порядка вещей» и жажда обретения утраченной социальной гармонии.

Утопическое сознание – «превращенная форма», где все встало с ног на голову. Понятие «превращенная форма» характеризует ситуацию, в которой внешние проявления и эффекты замещают внутренние, содержательные черты предмета, система внутренних взаимосвязей которого замещается его косвенными выражениями. Содержание и форма меняются местами, «превращение» существует не в сознании, а в действительности, и оно диктует собственные условия помимо воли реальности. В утопическом сознании общественное бытие представлено поверхностно, вне его глубинных связей и переплетений. Иллюзия, принятая за реальность, – предмет утопического сознания. Субъект не видит реальных социальных связей, реального самого по себе. Его взору представлены отражения, преломления реального в зеркале общественного сознания. Если мы представим марксову «надстройку» как совокупность зеркал (зеркало экономического сознания, политического, правового и прочих), то дорога к реальному окажется непростой. В итоге прорваться к реальному можно лишь с помощью такой философии, которая видит не только «существующий порядок вещей», но и предпосылки и следствия.

Утопическое сознание обнаруживает себя и во взаимовлиянии общественного бытия и общественного сознания, оно – момент опережения сознанием бытия. Утопию можно воспринять как прогноз, и тогда она так или иначе повлияет на дальнейшее развитие общества, общественного бытия. Правда реальной силой утопия может стать только при условии, что она превратится в массовое сознание. Ставить знак равенства между утопией и массовым сознанием нельзя, поскольку, когда утопия проникает в массовое сознание, она теряет свою теоретичность, переводится на язык символов, образов, метафор. Массовое сознание все принимает на веру, отвергая какие бы то ни было теоретические доказательства. К тому же между утопией и массовым сознанием всегда есть посредник, сначала это была религия, затем идеология. Из сказанного ясно, что мы можем говорить и об обратном влиянии массового сознания на утопию, а следовательно, и о том, что этот факт необходимо учитывать при теоретическом осмыслении феномена утопии.

Утопия похожа на гипертекст, мы начали статью с рассмотрения оппозиции утопия – утопизм, далее нам понадобилось ввести понятие идеала, затем утопического сознания. У проблемы утопии нет начала, середины и конца, открыть ее для себя можно с любого места, исследователь будет доходить до «конца» и возвращаться к «началу», открывать новые ходы и добавлять новые главы. Тот, кто начинает заниматься проблемой утопии, становится автором и соавтором этого гипертекста. Утопия похожа на гидру – решается один вопрос, и сразу же возникает три новых.

В XX веке появились новые жанры утопии, которые, с одной стороны, помогли найти ответы на существующие вопросы, с другой стороны, одним фактом своего появления породили множество новых вопросов. Речь идет о таких жанрах, как дистопия (отрицательная утопия), какотопия (страна зла) и антиутопия. Антиутопические черты можно найти не только в литературе («антироманы» Ф. Кафки и А. Камю), но и в живописи (С. Дали и Дж. де Кирико), кинематографе (Л. Бюнюэль и И. Бергман), драматургии (С. Беккет, Э. Ионеско) [9, с. 77]. В основе антиутопии лежит тотальное разочарование в идеалах прошлого и, как

следствие, отречение от них, что в настоящем проявляется в пессимистических настроениях. Будущее видится авторам безрадостным, «золотой век» не достигнут, его место занял мир человека частичного, мир тотального контроля мыслей и действий, мир, неизбежно движущийся к гибели. Идеалы прежних классических утопий исчезли, им на смену пришли новые, экзистенциальные; современных утопистов не интересует построение идеального государства, их заботит личность, отношения между людьми и сохранение этих отношений в новом мире. Гибель личности под давлением машины государства, превращение человека в животное, отсутствие межличностных связей, привязанностей, чувств, принятие всего этого или борьба с ним, наличие сил для борьбы – вот что заботит утопию в XX веке и в начале XXI века. Все, что было ценностью в прошлом, стало злом в настоящем и грозит будущему, мир требует переосмысления, другим становится все, наука и философия в частности; «и утопия берется за задачу переосмысления самой себя» [10, с. 96].

Утопия будет существовать, пока будет существовать сам человек. Существовала ли она от начала времен? Нет, древние мифы о золотом веке или островах блаженных, ставшие позднее идеалом для социальных утопий, содержали в себе лишь элементы утопичности. Утопия могла появиться только в тот момент, когда произошел разрыв между реальностью человеческого бытия и идеальным бытием. Этот разрыв осуществил в своей философии Платон, и он же создал первый классический вариант утопии. М. Ласки считал, что утопии создаются от отчаяния и от надежды, но утопия – это не демонстрация слабости, наоборот, утопия – демонстрация человеческой силы. Утопия есть результат вечной беспокойности человека, его вечного недовольства, порождение фаустовской природы человека. Утопия – прорыв к трансцендентному, она помогает человеку выйти за границы его собственной природы и сущности; утопия представляет собой одновременно призыв к осуществлению идеала и сознание невозможности этого. Утопия – экзистенциальный «метафизический бунт» против стремительно увеличивающегося разрыва между реальностью (миром) и человеческим Я. Неполнота, незавершенность самого бытия лишает человека чувства уверенности, стабильности, а древние мифы о гармоничной и счастливой жизни человека «вместе» с бытием будоражат воображение, волнуют ум. Человек ощущает тягу «повсюду быть дома» (Хайдеггер), необходимость стабильности, желание уверенности хоть в чем-то. Поэтому утопия всегда представляет собой «повышенно личный текст», даже если это простое повествование о счастливой и беззаботной жизни.

Неопределенность исследуемых нами понятий, выявленная при ближайшем рассмотрении, их неоднозначность, проблематичность выделения конвенционалистских установок в отношении их содержания (всякий раз приходится оговариваться: утопия, утопизм, утопическое сознание и прочее), – все это свидетельствует о сложности того социального явления, которое пытаются «схватить» эти понятия. Следует отметить также, что стремление уловить разные оттенки этих понятий, обнаружить их взаимосвязь, появление работ, посвященных анализу и уточнению определений, есть не дань схоластике, а следствие осознания факта, что только при учете всего вышеперечисленного возможно адекватное понимание этого сложного явления. Мы убеждены, что каждое из рассмотренных

понятий, несмотря на существование большого количества литературы по изучаемому вопросу, может выступать предметом отдельного исследования. Однако если такие проблемные понятия будут рассмотрены в связи с другой непростой проблемой – проблемой «человеческой действительности (или недействительности) социального бытия», то значимость таких «схоластических» упражнений становится еще более очевидной. Это обусловлено тем, что в таком случае нам придется не столько ответить на вопросы «что такое утопия?», «что такое утопизм?», «что такое утопическое сознание?», сколько рассматривать процесс, механизмы, переход человеческой недействительности к человеческой действительности, то есть движение, в котором человеческая недействительность социального бытия порождает утопическое сознание и вместе с тем утопия выступает как тяга к восстановлению (возвращению) человеческой действительности социального бытия.

Summary

Yu.D. Smirnova. Utopia, Utopianism, and Utopian Consciousness: Basic Meanings.

The article is devoted to the analysis of the concepts of utopia, utopianism, and utopian consciousness, which are widely used in scientific literature, but still do not have unambiguous and standard definitions. In the article, an attempt is made to define the meanings of these concepts; their origin and development are considered, and the nature of their mutual relations is analysed. Practical realization of the ideas stated in utopias serves as a means to differentiate utopia, utopianism and utopian consciousness. This principle allows us not only to find out the limits of these concepts, but also to track historical changes in the meanings of each of them.

Key words: utopia, utopianism, utopian consciousness, definition, converted form.

Литература

1. *Черткова Е.Л.* Притяжение идеала: О природе утопического сознания // Черткова Е.Л. Альтернативные миры знания. – СПб.: Изд-во Рус. Христиан. гуманит. ин-та, 2000. – С. 297–321.
2. *Лосев А.Ф.* Проблема символа и реалистическое искусство. – М.: Искусство, 1995. – 320 с.
3. *Мартынов Д.Е.* Утопизм и либерализм: основания критики и опыт апологии // Политемат. сетевой электр. науч. журн. Кубан. гос. аграр. ун-та. – 2006. – № 24 (08). – URL: <http://ej.kubagro.ru/a/viewaut.asp?id=456>, свободный.
4. *Шестаков В.П.* Понятие утопии и современные концепции утопического // Вопр. философии. – 1972. – № 8. – С. 151–158.
5. *Кирвель Ч.С.* Утопическое сознание: сущность, социально-политические функции. – Минск: Университетское, 1989 – 190 с.
6. *Черткова Е.Л.* Метаморфозы утопического сознания (от утопии к утопизму) // Вопр. философии. – 2001. – № 7. – С. 47–58.
7. *Баталов Э.Я.* Социальная утопия и утопическое сознание в США. – М.: Наука, 1982. – 336 с.
8. *Ласки М.* Утопия и революция // Ласки М. Утопия и утопическое мышление. – М.: Прогресс, 1991. – С. 170–209.

9. *Араб-Оглы Э.* В утопическом антимире // О современной буржуазной эстетике. – М.: Искусство, 1976. – Вып. 4: Современная социальная утопия и искусство. – С. 72–104.
10. *Павлова О.А.* Метаморфозы литературной утопии: теоретический аспект. – Волгоград: Волгогр. науч. изд-во, 2004. – 267 с.

Поступила в редакцию
26.10.10

Смирнова Юлия Дмитриевна – аспирант кафедры социальной философии и культурологии Казанского (Приволжского) федерального университета.
E-mail: *myphilosophy@mail.ru*